

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ДРАМАТУРГИЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ Н.В. КУКОЛЬНИКА

Жизнь и творчество известного русского поэта, драматурга и прозаика пушкинской поры Н.В. Кукольника длительное время были преданы забвению и практически не изучались литературоведением. С 90-х годов XX века ситуация изменилась. Появляется ряд фундаментальных исследований, посвященных различным аспектам деятельности писателя. Вместе с тем ряд проблем по-прежнему требует более пристального рассмотрения. Среди таковых и вопрос о нереализованных драматургических замыслах Кукольника.

В конце 30-х – начале 40-х годов XIX века приоритеты творчества Кукольника меняются. От активных занятий драматургией он переходит к написанию прозы. Несколько драматических фантазий так и остались на уровне замыслов или незавершенными: «Аврора и Рикардо», «Эрнест Миннезингер», «Пиетро Аретино», «Лютер». Из первых двух в печати появились только отрывки. «Аврора и Рикардо» задумывалась и писалась, по словам автора, чтобы «сохранить воспоминания несчастий» его сердца и «передать их потомству» [4, с. 10]. Здесь отразились впечатления Кукольника от встреч с М.Ф. Каменской, переживания из-за ее «измены» и замужества. Судя по отрывку и дневникам писателя, продолжать дальнейшую работу над «Авророй и Рикардо» он не собирался. Это был всего лишь мгновенный порыв души. На уровне замысла остался и «Эрнест Миннезингер».

«Пиетро Аретино» – один из наиболее разработанных замыслов писателя. Вероятно, эта драматическая фантазия должна была стать четвертой частью «итальянского» цикла драм Кукольника. И в «Торквато Тассо», и в «Джулио Мости» неоднократно упоминается имя Аретино. Он был одним из главных оппонентов автора «Освобожденного Иерусалима», а Джулио Мости прочат славу и участь Аретино. Пространную заметку об этом человеке находим в авторских примечаниях к драме «Джулио Мости». «Аретино, – отмечал Кукольник, – писатель XVI века, блистательный шарлатан, клеветник по расчету, друг и покровитель Тициана, советник в грехе Бенвенуто Челлини, страх и ужас писателей и художников; сам Буонаротти платил дань невеже Аретину; в его рабочей не было книг; он не любил учености; остроумие заменяло все; соблазнительные краски потворства греху и ничем не обузданной дерзости довершали обаяние. Целый век безмолвствовал перед похитителем никому не принадлежавшей власти в свободной области искусства» [1, с. 561]. Многие государи присылали подарки Аретину. Служители муз также откупались от него всевозможными богатыми подношениями в надежде, что беспощадный критик будет снисходительным к их творениям. «Аретино, – заключает драматург, – великий нравственный феномен, достойный глубокого изучения; он представитель века» [1, с. 561]. Возможно, уже тогда, в 1835 году,

зародилось у Кукольника намерение написать особую драматическую фантазию о Пиетро Аретино.

К этому замыслу писатель возвращается дважды. В 1843 г. в 8-й тетради издававшегося ним «Дагерротипа» он помещает «Пролог из большой драматической фантазии «Пиетро Аретино». Тогда же у него складывается и первоначальный замысел драмы. В 1844 г., закончив «Боярина Басенка», Кукольник размышляет о том, что ему делать дальше. Сохранилась запись от 17 апреля в «Дневнике» драматурга: «Писать ли драму русскую или иностранную? Иностранная недурна – «Аретино». План ее в этой книге, но надо переделать. Трудность в изложении. Помещать его в начале нельзя, как указывает опыт. Публика не слушает. Почему надо поместить изложение в середине первого акта, тогда, как люди уже съедутся, усядутся, высморкаются, поразвесят уши. Чем наполнить начало? Пустяками, шутками, не идущими к делу. Историю надо забыть. Искрошить ее в куски и засыпать ими щелки. И потому лучше всего начать с приема аретинского, как было предложено в первом плане: разобьем сначала всю массу на финалы; Аретино должен потерять исторический характер настолько, чтобы не был гадок» [3, с. 55].

Эти размышления важны для характеристики эстетических взглядов писателя. Они претерпели значительную трансформацию по сравнению с началом 1830-х годов, когда Кукольник создавал первые драматические фантазии. Писатель уже достаточно близко познакомился с миром кулис. Он полагает строить драму с учетом вкусов и психологии зрителей. Драматург желает сообразоваться со степенью подготовленности зрителя к восприятию материала. Поскольку он почти незнаком аудитории, то и «историю надо забыть», дав по возможности самый ее минимум, чтобы сохранить видимость исторического колорита. Учитывает Кукольник и требования «нравственности», диктуемые цензурой, предполагая убрать из биографии Аретино те куски, которые могли бы шокировать публику. Его Аретино не должен «быть гадок». Это также значительное отступление писателя с позиций «неистового романтизма». Вспомним его Джулио Мости, Роксолану. Герой же новой драматической фантазии, как будто специально созданной для «неистойой» драматургии, должен быть не таким, как в жизни.

Вся коллизия пьесы должна была строиться на любовной интриге. Аретино влюбляется в девушку Риччию, только что вышедшую замуж за молодого человека Паоло. Герой похищает Риччию и помещает в своем дворце, устраняя Паоло и Тициана, также равнодушного к девушке.

После неудачного побега из дворца Паоло и Риччия гибнут. Мать девушки организовывает заговор и у гроба дочери мстит злодею» [2, с. 52-57]. Как видно из первоначального замысла, это должна была быть типичная романтическая драма с кровавой развязкой в духе «Лукреции Борджа» Гюго или «Роксоланы» самого Кукольника. Почему-то писатель отказался от

дальнейшей работы над «Аретино». Возможно, причиной этого была неудача с «Басенком» и продолжающиеся мытарства «Паткуля», которого по-прежнему не разрешали издавать. Или то, что в это время ведется активная работа над малой прозой и романами.

В конце 1830-х годов у Кукольника вызревает еще один замысел. Он решается приступить к написанию религиозной драмы. В августе 1838 г. драматург записывает: «Религиозная драма, 8 августа 1834-го – первая мысль. 8 августа 1836-го рассказан план древней религиозной драмы Карлу Брюллову. 8 августа 1838-го. Приступлено к письменной разработке материалов» [4, с. 6]. «Давно уже пришла мне мысль в драме изобразить ход духа преобразователя эпох нравственности всемирной, – излагает свой замысел писатель. – Египет непосредственно, Иудея и Греция посредственно были источниками мудрости древнего мира. Моисей был просто египетский жрец с окончательною мудростью того времени; греческая академия была египетскою колониюю. Платон – египетский жрец. Христос младенческие годы провел в Египте, но где именно, неизвестно. Драма, в коей должен быть представлен Христос Спаситель, не может быть написана сегодня. Это драма внутреннего содержания, внутреннего слога, я доношу ее до смерти не оконченною, оставив отрывки слабых, незрелых соображений; новейшие преобразователи нравственности и религии, естественно, доступнее древних. Поводы их движений, страсти, случаи жизни нам более известны, и потому я избрал Лютера давно главным действующим лицом для религиозной драмы. Дух Эсфири еще был сценическим при императоре Александре в России; теперь религиозная драма требует тончайших политических и философических условий. Но как приступить к такому огромному труду с моею ограниченою ученостию?» [4, с. 7]. Далее Кукольник говорит о тех источниках, с которыми он познакомился, собирая материалы для «Лютера», о своих беседах с религиозными мыслителями Ю.Н. Бартевым и М. Пилецким.

Суждения, высказанные писателем в этой записи по вопросу о генезисе христианской религии, чрезвычайно любопытны. Они далеки от учения ортодоксального православия и более близки к учению масонов, с которым Кукольник познакомился еще в юности, учась в Нежинском лицее. Источником христианства он называет мистические религиозные течения Древнего Востока (Египта и Иудеи), трансформированные через призму античности. Далее писатель затрагивает проблему уместности появления религиозной драмы в его время. Вероятно, имея в виду только что вышедшую драматическую поэму В.И. Соколовского «Хеверь», основанную на библейской книге «Эсфирь», Кукольник сомневается в своевременности ее написания. При Александре I, когда в литературе еще господствовал классицизм, а в обществе росло увлечение религиозным мистицизмом, «дух Эсфири был сценическим». На подмостках шла «Эсфирь» Расина, Державин сочинил «Ирода и Мариамну» и т.д. Теперь же религиозная драма требует «тончайших политических и философических условий». Почему? Не следствие ли это усиления духовной

цензуры, не пропускавшей даже весьма и весьма благонамеренные произведения, вроде «Аскольдовой могилы» М.Н. Загоскина? А может быть Кукольник имел в виду ту ситуацию, которая возникла после публикации «Философического письма» П.Я. Чаадаева, бросившего вызов православной церкви и объявившего ее тормозом на пути России к прогрессу? Высказываться по религиозным вопросам стало небезопасно, тем более прославлять в литературных произведениях деятелей Реформации, столь возвеличенной Чаадаевым.

9 августа 1838 г. Кукольник продолжает записи о Лютере. Он сопоставляет реформатора с Христом, говоря, что у «Лютера была религия, ряд догматов», а у Иисуса «вовсе не было систематической религии, а несколько правил, обнимающих всю правду» [4, с. 8]. Здесь же говорится о том, что писатель завел особую книгу под заглавием «Религиозная драма», найти которую, к сожалению, не удалось. 10 августа в тетради появляется перечень предполагаемых действующих лиц драмы, а также план «особой мистерии», в которой должна быть воплощена «идея Христа». Скорее всего, эта «мистерия» должна была составить либо 5-й акт драмы, либо эпилог ее (как в «Лейзевице»). Среди действующих лиц названы: «Иоанн Лейденский. Тут поэзия Старого завета. Она должна быть особым эпизодом. Ландграф Гессенский, сластолюбец XVI века. Меланхтон – умный того времени человек». Кроме того, названы Гуттен и Эразм Роттердамский [4, с. 9]. В мистерии предполагалось рассказать о том, как перед смертью Лютера к нему приходит католический монах, «погруженный во всю возможную ученость» и увлеченный св. Августином. Он читает Лютеру свое сочинение, в котором излагается история Спасителя такой, каковой ее видит сам Кукольник. В финале и монах, и Лютер должны погибнуть. Конечно, по столь скудным фрагментам трудно судить обо всем замысле писателя. Подробных планов «Лютера» не сохранилось. Известно лишь, что драматург собирался писать пьесу стихами и некоторое время сомневался, не написать ли ему на этом материале роман.

Таким образом, все эти наброски незаконченных драматических произведений дают представление о диапазоне интересов Кукольника во второй половине 30-х годов XIX века. Он был достаточно широким и отнюдь не ограничивался одной итальянской темой, как это считается в критической литературе. Можно видеть, что писатель находился в постоянном поиске тем, эпох, всевозможных разновидностей жанра. Его привлекала и чисто романтическая драма с неистовыми характерами и напряженным сюжетом, и религиозная драматургия. Не все задуманное удалось реализовать из-за резкой смены Кукольником литературных интересов и приоритетов и перехода его к художественной прозе. Возможно, дальнейшие архивные изыскания прольют свет и на ряд вопросов, связанных с приведенным нами материалом.

Литература

1. Кукольник Н.В. Джулио Мости // Кукольник Н.В. Сочинения драматические. – СПб., 1851. – Т.І.
2. Кукольник Н.В. наброски и планы произведений // РО ПД. – Ф.371. – Архив Н.В. Кукольника. – № 6.
3. Кукольник Н.В. Записи дневникового характера, путевые записки, приходно-расходные записи // РО ПД. – Ф.371. – Архив Н.В. Кукольника. – № 74.
4. Кукольник Н.В. Дневниковые записи, планы произведений, приходно-расходные записи И РО ПД. – Ф.371. – Архив Н.В. Кукольника. – № 78.
5. Танакова Т.Н. Кукольник Н.В. // Русские писатели. Биобиблиогр. словарь. – М., 1990. – Ч.1.

Аннотация

Черный И.В. Нереализованные драматургические замыслы Н.В. Кукольника.

Статья посвящена творчеству известного русского писателя XIX века Н.В. Кукольника. Анализируются нереализованные драматургические замыслы писателя. На основании архивных материалов делаются попытки реконструировать сюжеты ненаписанных произведений.

Ключевые слова: драматургия, религиозная драма, романтизм.

Анотація

Чорний І. В. Нереалізовані драматургічні задумки Н.В. Кукольника.

Статтю присвячено творчості відомого російського письменника XIX століття Н.В. Кукольника. Аналізуються нереалізовані драматургічні плани письменника. На основі архівних матеріалів реконструюються сюжети творів, що не були написані.

Ключові слова: драматургія, релігійна драма, романтизм.

Summary

Chorniy I.V. Unrealized dramatic projects of N. V. Kukolnik.

The article is dedicated to the activity of a well-known Russian writer of the XIX century N. V. Kukolnik. Unrealized dramatic projects of the writer are analyzed. The plots of unwritten works on the basis of the archives materials are reconstructed.

Key words: dramaturgy, religious drama, Romanism.